

Михаил Антонов

РЮРИК: 1150-ЛЕТНЕ ОКУПАЦИИ РОССИИ

СТОИТ ЛИ, СЛЕДУЯ ЗА РОМАНОВЫМИ, КОТОРЫЕ В 1862 ГОДУ ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕТИЛИ 1000-ЛЕТНЕ ЭТОГО КАК 1000-ЛЕТНЕ РОССИИ, ГОРДИТЬСЯ ТАКИМ СОБЫТИЕМ, СКОРЕЕ ПОЗОРНЫМ, ЧЕМ СЛАВНЫМ?..

В нынешнем, 2012 году российская власть намечает торжественно отметить 1150-летие российской государственности. Как бы власти и всем нам не попасть впросак, ибо в действительности

тогда произошла *мирная оккупация русских земель германцами - варягами*, которые до того неоднократно вторгались на Русь, пытаясь завоевать ее силой оружия и уж во всяком случае основательно пограбить, но были изгоняемы. И вот, наконец, были созданы условия для германской колонизации бескрайних российских просторов. Стоит ли, следуя за Романовыми, которые в 1862 году торжественно отметили 1000-летие этого как 1000-летие России, гордиться таким событием, скорее позорным, чем славным? Но, прежде чем обосновать свою позицию, сделаю небольшое отступление о современном состоянии российской исторической науки.

ДИКАЯ СТРАНА

ИЛИ ВЫСШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Россия, каковы бы ни были ее экономические и военно-политические достижения, не имеет шансов войти в ряд мировых держав и тем более стать мировым лидером при современном состоянии отечественной исторической науки. Дело в том, что мировое общественное мнение (которое формируется идеологами Запада) представляет Россию как дикую страну, где веками правили василии темные и иваны грозные, а культура возникла только при Петре I, да и та была завезена из Европы. Но и после Петра в этом отношении в России оставалась пустота, которую сумела заполнить лишь Екатерина II, опять-таки перенесшая к нам зачатки культурных достижений Запада.

Лишь после этого времени начинается непрерывная история России как государства, приобщившегося к европейской культуре и порой вносившего и собственный вклад в общее культурное достояние человечества. Западу из наших допетровских времен неизвестны ни выдающиеся русские полководцы, ни великие ученые, ни знаменитые дипломаты или деятели литературы и искусства. Скажем, был на Руси Аптекарский приказ, но чем он занимался – неизвестно, нет ни одного имени русского фармацевта тех времен. И

выходит, что США, например, в культурном отношении – более древняя страна, чем Россия. В немалой степени именно этим объясняется менторский тон, в котором американские (и вообще западные) политики и деятели культуры обращаются к России.

Российских патриотов это возмущает, они говорят, что на Руси уже была высочайшая культура в то время, когда европейские завоеватели делали первые шаги на американском континенте, истребляя его коренное население – племена индейцев, которые ходили еще в одежде из шкур животных. Но эти патриотические речи воспринимаются на Западе как голословные утверждения, потому что в настоящее время в нашей стране отсутствует вразумительная и хоть сколько-нибудь объективная история России, и тому есть немало причин.

Прежде всего, эта история сознательно фальсифицировалась.

Переписывание и поправка летописей в угоду сменявшим друг друга властителям происходили еще в Древней Руси. До Октябрьской революции история фальсифицировалась в интересах династии Романовых, не бывших князьями-Рюриковичами и утвердившихся на престоле благодаря особому стечению обстоятельств. Не были свободны от идеологических шор и субъективизма и классики исторической науки.

Н.М.Карамзин сыграл главную роль в ломке психотипа русской культуры и самосознания российской интеллигенции – в смене северного (русского) типа сознания на южный (французский). Соответственно и историю государства российского он построил не столько на фактах, сколько на художественных образах, рожденных его фантазией и его тайными либеральными убеждениями. При этом главной целью Карамзина было очернение Ивана Грозного, до того времени почитавшегося самым славным государем в истории нашей страны. С.М.Соловьев, у которого в 29-томной «Истории России с древнейших времен», казалось бы, все есть, выступал апологетом режима Романовых.

К тому же, например, в его объемистом сочинении «Александр I» история сводится именно к деяниям Александра, Наполеона и их министров, послов и полководцев, в совершенном отрыве от реальных процессов развития стран (экономики, общественных отношений и пр.). В.О.Ключевский рассматривал прошлое России с либеральной точки

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

зрения. Д.И.Иловайский посвятил свои усилия в основном полемике с норманнистами («Разыскания о начале Руси») и написанию учебников по русской и всеобщей истории, естественно, с официально принятой точки зрения, одобренных цензурой, и его пятитомная «История России» не содержала сколько-нибудь значительных открытий. Была и украинофильская трактовка (у Н.И.Костомарова). Но все эти труды страдали односторонностью, в ряде случаев носили преимущественно обличительный характер, и их нельзя назвать историей России. Может быть, поэтому Ф.И.Тютчев остроумно замечал: «Вся история России в допетровский период – сплошная панихида, а после Петра – одно уголовное дело».

В советский период история преподносилась сначала на основе схем, построенных на принципах марксистского экономического детерминизма («школой Покровского», все же имевшей ряд достижений по сравнению с дореволюционными историками), затем ее перекраивали так, чтобы ярче выступили «доблестные образы наших великих предков», также далекие от объективности. В 1990-е годы преобладал взгляд на наше прошлое, особенно на советский период, как на некую «черную дыру» или даже «выверт истории», соответственно и сталкивалось прошлое России. Сегодня только начинается возврат к здравому смыслу, но новейшие трактовки истории России, судя по одобренным учебникам для школ, рисуют совершенно эклектическую картину минувшего. В итоге, как заметил писатель Михаил Веллер, вместо историю мы имеем мифологию.

Конечно, труды по истории непременно несут на себе печать субъективного ее понимания автором. Но есть и такой важный момент, как общественные ожидания. В жизни народов периоды подъема обычно чередуются со временами спада. «Есть время разбрасывать камни и время собирать камни». В уже упоминавшиеся 90-годы был сильный спрос на негативное толкование истории, и «ученые», осознавшие этот спрос, нашлись. Ныне идет, нарастая, процесс подъема страны, и появляется спрос на объективную, но в то же время жизнеутверждающую концепцию отечественной истории. А исторических трудов, отвечающих этому спросу, освещающих события минувшего так, чтобы из них можно было извлечь полезные уроки для наших дней, пока не создано.

Далее, история России обычно рассматривается в отрыве от общемирового, во всяком случае, – от общеевропейского исторического процесса. А Киевская Русь с первых же шагов своего существования была тесно связана с Западной Европой. С одной стороны, это были династические и культурные связи. У нас мало кто задумывается над тем, что еще правитель Киевской Руси великий князь Владимир Всеволодович Мономах был не только внуком византийского императора, но и племянником одного и двоюродным братом другого французского короля. В таких же родственных отношениях находился он с норвежским (впоследствии – еще и датским) и венгерском королями. Ведь его родные тетки (дочери его деда – великого князя Ярослава Мудрого) были замужем за этими властителями. Родственные узы связывали его также с германским императором, польским и шведским королями. В династические браки с европейскими государями вступали и другие властители Киевской Руси. Одним словом, князья Рюриковичи были полноправными членами европейской властвующей элиты, находились с другими ее членами в постоянной переписке и иных культурных связях. А властители Владимирской Руси и Московского государства существенно изменили эту традицию. С другой стороны, Русь издревле служила объектом агрессии со стороны сопредельных (и не только) государств Западной Европы, Юга и Востока.

И, несмотря на отрыв русской истории от европейской, она трактовалась отечественными историками исключительно в европейском ключе. Как справедливо замечает новосибирский историк, философ и культуролог Виктор Дорошенко, «все русские историки – Карамзин, Соловьев, Ключевский – европеизированные, а не собственно русские. Это истории, написанные в европейских понятиях о русских событиях. Собственной истории России мы до сих пор не имеем».

ИСТОРИЯ РОССИИ –

ЭТО ИСТОРИЯ РУССКИХ

Но самое главное недоразумение заключается в том, что никому из историков почему-то не пришла в голову простая мысль: *история России – это история русского народа и созданного им великого государства, а значит, она не могла начинаться до возникновения этого народа* (первоначально называвшегося в науке великорусской народностью).

По-видимому, первым эту мысль выразил профессор Андрей Фурсов: «Нам не хватает русской истории, как особой дисциплины (не путать с историей России)». Это должна быть «системная теория и история русского мира, русского уклада (русских способа производства и формации), русского миростроя – дисциплина со своими методологией, понятийным аппаратом, субдисциплинами...»

Несмотря на это, до сих пор историю России принято изучать, начиная с догосударственных объединений восточных славян (в летописи Нестора есть даже фрагмент, где их история начинается со времен Адама и Евы). Некоторые историки опираются на «Влесову книгу», полагая, что в ней описаны события истории славян за несколько веков до призвания варягов. Писатель Ю.Д.Петухов издал «Историю русов», якобы живших в VII тысячелетии до н.э. И вот полагается сначала изучать эти полумифологические события, затем переходить к истории Киевской Руси.

И уж только после этого добираться до момента становления собственно России как государства, отпочковавшегося от общей прародины русских, украинцев и белорусов. Но *эта исходная позиция ложна в самой своей основе, она не учитывает всемирно-исторического значения такого явления, как образование русского народа, специфических особенностей его национального характера, менталитета и понимания государственности. А между тем именно эти обстоятельства обусловили и особый характер России как государства, и великий вклад русских в общечеловеческую культуру.*

ПЕРВЫЕ ШАГИ

РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Историю России и российской государственности принято начинать с epochального события – с призвания в 862 году на княжение в Новгород варяга-германца (видимо, скандинава) Рюрика. О том, что это означало для древних русичей, рассказывается в прекрасной статье Михаила Саяпина «Германский вопрос в истории Европы и России». Приведу лишь несколько положений этой работы.

Германцы, как первые ласточки «Великого переселения народов», прошли с востока сквозь славяно-балтские земли и оказались у границ Западной Римской империи. Довольно быстро (по историческим меркам) различные германские племена (франки, бельги,

тюринги, тевтоны, англлы, саксы, вандалы и пр.) колонизовали всю ее территорию, в разной степени смешавшись с местным населением, и образовали множество государств, из которых после многих трансформаций выросли современные страны Западной Европы (романо-германский мир, как их называли евразийцы). Поскольку германцы в своей экспансии дошли до предела (за нынешней Португалией уже начинался Атлантический океан), часть германцев повернула обратно на восток. Так начался «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»), с которым славяне, жившие за Эльбой, столкнулись уже во времена Карла Великого, а русичи – несколько позднее.

В Новгороде, этой мужицкой республике, Рюрику и его дружине было неуютно. Новгородцы, призвав варягов, обставили их власть и само пребывание там весьма строгими ограничениями. И после смерти Рюрика его родственник Олег, прихватив с собой малолетнего Игоря, сына умершего князя, пошел вниз по Днепру и осел в Киеве, сделав его столицей своего государства. Так германцы стали правителями государства, вошедшего в историю под названием «Киевская Русь».

«В результате германские завоевания, - пишет Михаил Саяпин, - сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах: 1. господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях; 2. господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности. Германская система землевладения фактически восстановила рабство...

В целом же главным социально-психологическим следствием германских завоеваний было установление в Европе понятия благородного человека. Попросту говоря, благородный – это господин, т.е. тот, кто имеет рабов. А, поскольку сам он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то негласно предлагается рассматривать его даже как представителя принципиально иной расы, лишь в какой-то степени внешне схожей с породой зависимых людей...

Итак, на Киево-Новгородских землях утвердилась княжеская династия германского (судя по ряду моментов, скандинавского) происхождения, заявившая о своей полной эксклюзивности права на освоенную ей территорию.

Основополагающим моментом в отношении княжеской династии с туземцами был невероятный апломб, огромная родовая спесь, чувство

природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением, так сказать дворняжками в человеческом облике...

Рюриковичи стали замкнутой кастой, культивировавшей при своих дворах особую культуру (возможно, имевшую опять же скандинавские корни), слабо связанную с культурой местного, в большинстве славянского, населения... Они стали демонстративно заключать династические браки исключительно с представителями знатных королевских родов не только Запада, но и Востока, пренебрегая местными...

Однако на пути полноценной колонизации рюриковой династией Русской земли стояла очевидная проблема: общая малочисленность князей в сравнении с местным населением» И они «вынуждены были балансировать на грани высокомерия и панибратства с местными славянами.

Князья не только перешли на славянский язык... а всех вообще князей стали именовать не только по владению, но и по имени-отчеству... старательно внедряя родовое начало и противопоставляя его местной «беспородной» общинной традиции, владение самой Русской землей рюриковичи были вынуждены организовать на началах именно... территориальной общины, когда земля находится в коллективной собственности рода!»

Киевская Русь до самого своего конца осталась совместным владением рода князей Рюриковичей. Среди них не было сюзеренов и вассалов, они все были соправителями Руси, и каждый из них в принципе мог стать великим князем, который считался лишь «первым среди равных». После смерти великого князя киевского великокняжеский стол переходил не к его старшему сыну, а к князю – старшему в роде, затем начиналось перемещение остальных удельных князей. Например, князь черниговский становился князем киевским, переяславский – черниговским и т.д.

То есть, князь-Рюрикович не был органически связан с землей, которой владел, и зорко следил лишь за тем, чтобы при смене властителя в Киеве он не был ущемлен в своих правах. (Неоднократные попытки утвердить принцип «каждый владеет отчиною своею» ни к чему не привели.) При этом часто возникали споры из-за власти, которые приходилось разрешать военной силой, от чего страдало мирное население (опустошать землю князя-противника и уводить людей в полон было обычным

делом, а уж забирать провиант у местных жителей считалось нормой). Появились князья-изгои, которым не нашлось места на этом пиру жизни, и они тоже пытались устроить свое счастье – отнять уделы у тех князей, которые оказывались недостаточно сильными, чтобы удержать свои владения.

В споры князей вовлекались их родственники – владельцы соседних государств, которые тоже были не прочь поживиться за счет мирного населения Руси. Даже во время совместных военных походов у князей не было верховного главнокомандующего, а каждый из них действовал самостоятельно (пример – битва на Калке, закончившаяся столь печально). Прав был академик Рыбаков, писавший, что самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были ее князья.

Впоследствии предводителей славянских общин рюриковичи сделали боярами, своего рода местной квазиаристократией, но настоящей аристократией они так никогда и не стали: рюриковский клан строго следил за сохранением непреодолимой границы между собой и туземцами.

Бояре были в еще большей степени, чем князья, носителями анархического, антигосударственного начала. Боярин в любой момент мог «отъехать» от «своего» князя и поступить на службу к другому, даже враждебному, не рискуя потерять имения в «своем» княжестве.

Вот такой была Киевская Русь, которой владели князья – потомки германцев. При том анархическом строе, который в ней утвердился, остается лишь удивляться тому, что она просуществовала так долго – до XIII века.

ПОЯВЛЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА И РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Русский народ образовался на рубеже XI – XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших свое значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Значение этого явления первым осознал князь Владимир Всеволодович Мономах, еще юношей ставший первым князем в Ростове. Он основал в 1108 году в суздальской земле и назвал своим именем будущую новую столицу Руси – город Владимир-на-Клязьме.

В 1113 году Мономах стал великим князем киевским. А Суздальскую землю он отдал в удел своему сыну Юрию (Георгию). После смерти отца Юрий еще пытался из своего «захолустья» (с точки зрения надменных киевлян) вмешиваться в дела Киевской Руси, за что и получил прозвище Долгие Руки. Он трижды, вопреки действовавшему порядку престолонаследия, занимал киевский престол, причем брал Киев штурмом, и умер в Киеве (до сих пор так и не решен вопрос о переносе его останков, лежащих где-то в запасниках киевского музея, в Россию). А уже его сын Андрей не пожелал оставаться в Киеве и, вопреки воле отца, (согласно летописи, по указанию Богородицы) отправился в Суздальскую землю. При этом он взял с собой чудотворную икону Божьей Матери (позднее прозванную Владимирской), и, вняв чудесному указанию свыше, недалеко от Владимира устроил свою резиденцию Боголюбово.

Государственный переворот, который устроил Андрей Боголюбский и привел к установлению единодержавия во Владимиро-Суздальской земле, резко отделил ее от прежней Киевской Руси.

В наши дни наиболее обстоятельно княжение Андрея исследовал Дмитрий Зенин. Но те моменты жизни и деятельности Андрея, которые интересны мне, более подробно изложены в исследовании А.З.Синельникова. Он не без основания заметил, что «о великом князе Андрее современники наши ничего не знают или почти ничего не знают. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но еще С.М. Соловьев именно Андрея Боголюбского считал основоположником обустроенной русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации.

Н.П. Павлов-Сильванский начинает от Андрея Боголюбского отсчет времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного русского государства. В Германии этого князя называли Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia («Андрей Ростовский, великий король России»), что не удивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее могущественными светскими и духовными властителями Европы своего времени. В их числе были императоры Византии и Священной

Римской Империи Германской нации, патриархи Константинополя и Иерусалима, папа Александр III, а также епископ Кирилл Туровский, выдающийся русский литератор того времени.

А.З. Синельников уточняет основной принцип государственного устройства Киевской Руси: «Все Рюриковичи по рождению были природными государями, поэтому вассальные отношения ни на одного из них не распространялись. Каждый Рюрикович был потенциальным государем всея Руси и был сопредстольником ныне правящего великого князя. Князья русские находились между собою в родственных отношениях, а все остальное народонаселение всех званий, сословий и разрядов, пребывало в служебных отношениях между собой и по отношению к Рюриковичам. Кроме того, Рюриковичи были в родственных отношениях с правящими династиями двух империй – Германской и Византийской».

В то время, о котором здесь идет речь, от Англии до Центральной Монголии существовал закон, по которому, если кто из детей монарха умирал, не успев короноваться, и у него оставалось потомство, то эти дети теряли право короноваться и, оставаясь членами правящего рода, выбывали из коронационной лестницы. Такие люди относились к изгоям». И далее: «...в начале последней четверти XI века Европа, несмотря на якобы имеющиеся трения между православным и римским духовенством, была общим домом для народов и знати. С общим социальным укладом, аналогичными законами... Вроде бы жить-поживать в этом большом семейном доме, да добра наживать, но...

Стержнем всего средневековья, вокруг которого разворачивались трагические события на Руси, во Франции, Византии, Чехии, Дании, Германии... был конфликт между дядями и племянниками... Потомство Рюрика, распространившееся по всей Европе, было действительно благословенным. Следствием этой плодовитости стало ослабление и дробление высшей власти. Поскольку знать по своей природе была воинственной – прямо скажем, исключительно военной, – то если знатный человек снимал рыцарский пояс, это означало или крайнюю физическую немощь, или уход в монастырь. Война была основной формой существования средневековой знати, поэтому общий дом все время бурлил...» Более того: «В христианской Европе знать имела право служить любому государю, независимо от того, на чьей территории находились ее

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

владения. Барон-боярин мог без ущерба для своих владений воевать против того государя, в пределах власти которого была его вотчина (синьория). Изменой считался переход на сторону противника во время боевых действий или без объявления причины отъезда. Поэтому все опоясанные мечом имели право свободного перехода...

От не прекращавшихся частных войн наибольшие потери несло мирное население и церковь. Поэтому христианские пастыри в середине XI века выступили с инициативой Божьего мира».

По призыву папы Урбана II многие рыцари и престолюдины Европы отправились в крестовый поход и на короткое время отвоевали Святую Землю у мусульман. Но на этой земле, крошечном островке христианского воинства посреди бушующего мусульманского мира нельзя было выжить, не положив конец бесконечным внутренним войнам. Там было построено централизованное феодальное государство с соборным управлением. «В Европе же внутридинастийная чехарда продолжалась. Авторитет высшей власти упал до последней крайности... Император, король и наш великий князь киевский обладали в то время самой номинальной властью...»

Андрей Боголюбский проложил путь к новой государственности, по которому пошли также король Франции Людовик VII, император Германии Фридрих II Барбаросса, король Англии Генрих II и император Византии - Мануил I (кстати сказать, все они были в той или иной степени родственники). Путь этот заключался в обуздании вечно воевавших между собой вассалов и установлении единоличного наследственного правления великого князя (короля, императора). И вот что произошло на Руси.

«Соборное решение упразднило уделы в Ростовско-Суздальской Земле и объявило всех владельцев – под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединенном княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли.

Началась централизация государства». Бесповоротным этот процесс стал в 1162 году, когда Андрей лишил уделов и посла в Константинополь братьев, сына Мстислава и отцовских бояр (видимо, учиться уму-разуму, вернулись они через семь лет). *Здесь и пролегла*

принципиальная граница между Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц, и созданным Андреем Боголюбским Русским государством, основанном на единодержавии. И произошло это ровно через триста лет после призвания варягов.

«Как отголосок этой победы приходят Андрею Боголюбскому поздравления от императоров Византии и Священной Римской империи Германской нации, патриархов Константинополя и Иерусалима, папы Александра III и епископа Кирилла Туровского, выдающегося русского литератора того времени, - продолжает А.З. Синельников. - Поздравления и просьба взять под свою Державу Русь и другие земли...

В 1157 году умер (вероятно, был отравлен на пиру у киевского боярина) Юрий Долгорукий. Со всех сторон Руси к Андрею обращались с призывом взять всю Русь под Державу свою. Но только в 1169 году час Андрея пробил. К нему прибыла депутация из четырех князей и представителей 50 городов с просьбой заставить их от произвола киевского и других хищников. Андрей созвал собор во Владимире, который приговорил, что надо спасти Русь от пленения и разорения, для чего своих хищников укротить. Сам князь, признанный депутацией истинно Великим, в поход не пошел. Во главе войск он поставил своего сына Мстислава». Мстислав штурмом взял Киев, «мать городов Русских». Киев был отдан на три дня войску победителей на разграбление. Но все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола) были тщательно собраны и вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицей Руси. Его князья, лишённые прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, уже зависели от воли Владимирских держателей и утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев и не стал удерживать его за собой лично, а посадил в нем брата Глеба, поцеловавшего ему крест на всей его воле. А вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир.

Особое значение имеет тот факт, что Андрей подчеркнул исключительность своего государства и нововведениями в сфере религии. В то время, как центральные храмы Киева, Новгорода и многих других городов Киевской Руси посвящались Софии – Премудрости

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Божией, Андрей ввел на Руси культ Покрова Богородицы, что было отмечено постройкой прекрасного храма Покрова Богородицы на Нерли. Смелость нововведений Андрея можно оценить, если учесть, что праздник Покрова Богородицы был установлен в Византии в память о чудесном заступничестве Матери Божией за Константинополь, который был тогда осажден... войском киевских князей. И в дальнейшем в землях Андрея храмы посвящались преимущественно Богородице.

Андрей Боголюбский, видимо, сознавал принципиальное отличие его великого княжества от других княжеств Киевской Руси, понимал, что оно представляет собой более высокий тип государственного устройства, отвечающий новым требованиям времени, и делал все, чтобы подчеркнуть это обстоятельство.

И вот, по А.З. Синельникову, финал: «Наконец, наступил долгожданный момент истины. В начале 1174 года противники и союзники пришли просить у Великого Князя защиты, суда и Правды. Предлагали провести во Владимире или Боголюбове общий съезд (собор). Андрей несколько месяцев молчал, наконец, отпраздновав Светлое Воскресение Господне, ответил: «Подождите немного, пошлю по братию свою на Русь».

Но 28 июня 1174 года святой благоверный Великий Князь Владимирский Андрей Георгиевич был убит заговорщиками в своем замке Боголюбове.

После короткого периода смуты на великокняжеский престол вступил его младший (сводный) брат Всеволод Георгиевич Большое Гнездо (прозванный так за многочисленность его потомства), который продолжил линию князя Андрея Георгиевича на укрепление государственности и единоличной власти великого князя. Но наступала новая эпоха в истории Руси. К ее границам приближалась Орда.

Всеволоду наследовал его сын Юрий Всеволодович. Он пытался противостоять ордынскому нашествию, но его войско было разбито, и сам князь погиб в битве. Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи чингизидов. Брату Юрия Ярославу Всеволодовичу пришлось получать ярлык на великое княжение у хана Батыея. Ярослав настолько понравился Батыю, что они стали побратимами. Ярослав даже представлял интересы Батыя на Всемонгольском курултае в Каракоруме, где выбирали нового великого хана на место умершего.

Надо представить себе, что значило для русских князей съездить в Каракорум, на тысячи километров. Они не просто повидали многие страны, но и знакомились с достижениями великой восточной империи – дорогами со станциями смены лошадей, с ямской почтой и пр. Это чрезвычайно расширяло кругозор князей, давало им возможность ознакомиться со строем восточной демократии (выборность великого хана, участие женщин в выборах, единое законодательство, веротерпимость и т.д.) и в конечном счете предопределило смену ориентации с Киева на Каракорум. Евразийцы были правы, когда утверждали, что Московская Русь была созданием не только киевских князей, но и монгольских ханов.

Но наиболее выдающимся государственным деятелем становящегося Русского государства, умело использовавшим союз с Батыем (сыну которого Сартаку он стал побратимом), был сын Ярослава, великий князь Владимирский Александр, получивший название Невский за свою победу над шведскими интервентами на реке Неве. Как показал Дмитрий Зенин, знаменитое «Ледовое побоище» было вовсе не сражением русских с немецкими псами-рыцарями, а битвой Александра с русскими князьями – противниками единой державы, которых поддерживали новгородцы и небольшое количество рыцарей, изгнанных из своего ордена.

РУСЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ – АНТИПОД РУСИ ЮЖНОЙ

Владимирская (а позднее Московская) Русь не только не была преемницей, тем более клоном Киевской Руси, но и представляла собой во многом полнейшее ее отрицание. Вообще Киевская Русь была европейским государством, изначально ориентированным на Запад (Византия в то время была недостижимым идеалом для европейских государств, то есть тоже как бы Западом). Не принято вспоминать, что процветание Киева (как и Новгорода) было связано не только с экспортом мехов, зерна, меда, воска, но и с работорговлей.

Эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жестокой, что неоднократно приводило к народным бунтам и стало одной из причин массового бегства населения из южных княжеств в долину Вислы и в Суздальскую землю. При этом в числе переселенцев оказывались наиболее энергичные люди, не боявшиеся неизвестности. На новом месте, в отличие

от южных княжеств, располагавшихся на черноземах, преобладали бедные подзолистые почвы.

Это обрекало переселенцев на занятия подсечным земледелием: расчистив от леса и удобрив участок золой от сожженной растительности, они снимали три-четыре урожая и затем переходили на новый участок, который также нужно было сначала расчистить и удобрить. Это воспитывало у новых жителей Суздальской земли характер первопроходцев и «земледельцев-кочевников», почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками (крестьяне южных княжеств надобности в таком полукочевом образе жизни и «охоты к перемене мест» не имели, их к бегству мог подвигнуть только гнет «верхов»). Среди этих переселенцев преобладали мужчины цветущего возраста. Они вынуждены были смешиваться, сочетаться брачными узами с местным населением – угрофинскими племенами (мурома, мещора, весь и пр.), что давало киевлянам основание свысока поглядывать на представителей нарождавшейся великорусской народности (хотя в самих южных княжествах исконное славянское население тоже смешивалось с половцами и другими «степняками»).

В Северо-Восточной Руси складывается совершенно иной общественный и государственный строй, чем был в Киевской Руси, основанный на самодержавии, на правлении великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета. Совершенно иными стали и ее торгово-экономические и культурные связи с зарубежьем.

Складывавшемуся русскому народу не пришлось выбирать веру, терзаться сомнениями, посылать послов для ознакомления с разными вероисповеданиями. Они пришли на новые земли уже твердыми в православной вере. И все же их православие имело новые черты. Андрей Боголюбский укрепил культ Богородицы и установил новый религиозный праздник Ее Покрова, что, как уже отмечалось, стало открытым вызовом Киеву.

Жители Суздальской земли уже не называют свой край «Русью». Для них, как и «для суздальского летописца «Русь» – Юг, Приднепровье, Киев, а он сам – житель земли Суздальской» (Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С.163)

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское

нашествие. В результате его Киевская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания, и на протяжении десятилетий это место оставалось безлюдным. Опустошены были и другие срединные земли Киевской Руси. Западные ее земли постигла иная участь. Князь Даниил Романович получил титул короля от римского папы, под покровительство которого отдал галицкие и волынские земли. Позднее Киев и большая часть Правобережной и частично Левобережной Украины, а также земли нынешней Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. Южные области подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налета длинные вереницы пленных украинцев тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии.

В XVI веке возникла Запорожская Сечь – центр украинского казачества, жившего не столько хозяйственной деятельностью, сколько военной добычей. Эта казацкая военная демократия вела почти непрерывные войны с Польшей, Крымским ханством, Турцией и Россией. В этой обстановке формировалась украинская нация. В землях литовских образовался белорусский народ (государственным языком Литовского государства был белорусский).

Но только младшему сыну Александра Невского Даниилу, которому достался в удел город Москва, пришлось сыграть роль основателя нового Русского государства. На протяжении нескольких столетий произошло «Собирание русских земель вокруг Москвы», что привело к образованию *империи Даниловичей*.

В ней и выработалась у русских «служилая» система ценностей с обостренным чувством долга (в противовес западному акценту на чести), почитанием личных, а не родовых заслуг, подчинением частной и семейной жизни «общему делу» и т.д.; словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Именно в империи Даниловичей сложился *тот тип государственности, который определил на века облик России и русского человека – Православное Самодержавие*. В правление Великого князя Московского *Василия II* утвердилась идея строя Православного Самодержавия - «*один народ, одна империя, одна вера*». «Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное самосознание по существу никогда не подымалось»

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

(Карташов А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; М., 1991. С.32.)

Столица мирового православия перешла из павшего Второго Рима в Москву, Василий II получил свыше посвящение в «подлинного вселенского царя всего православия». А в правление *Ивана III* Европа увидела возникшую на своих восточных окраинах «огромную империю» московитов. В это время произошла смена вектора европейской политики России с северного (Германия, Франция) на южный (Италия), и этот поворот оказал большое влияние на развитие русской культуры. Идея «Москвы - Третьего Рима» становится основой официальной государственной идеологии. Заканчивается эта эпоха грандиозной утопией христианского государства *Ивана Грозного*. Учреждается опричнина как духовно-рыцарский орден. *Самодержавная революция* окончательно утверждает основной принцип русской государственности. *Православие было в тот период лишь иным выражением принципа идеократии, а самодержавие – формой проявления принципа нераздельности власти. И оба эти принципа и в дальнейшем соединились в русском мессианизме: Россия должна быть мировым лидером, будь то страна с единственно правильной верой (как при Василии II) или с наиболее совершенным общественным устройством (как в СССР), и открыть путь в светлое будущее всему человечеству. Отсюда и стремление русских сбиться в тоталитарный монолит, и поиск сверхмиссии.*

А вечной оппозицией носителям этой идеологии - московским князьям-царям - было боярство, имевшее (и стремившееся навязать обществу) противоположные взгляды на смысл жизни человека и его достоинство, традиционные для европейцев (и для Киевской Руси). То есть оно в России было объективно прозападной партией.

Торжество «боярской правды» в правление Бориса Годунова, расцвет спекуляции и коррупции привели к *Смуте*, после которой империя Даниловичей сменилась ее отрицанием - империей Романовых. Романовы не были рюриковичами, а всего лишь боярами. До реформ Петра I князем нельзя было стать (например, за заслуги), им можно было только родиться. И с точки зрения князей, оказавшихся подданными царя, Романовы представляли собой выскочек, не имевших законного права на трон.

(Это тонко уловил Пушкин, у которого в «Борисе Годунове» оппозиционеры

толкуют между собой: «Шуйские, Воротынские – природные князья».)

Поэтому отношение первых Романовых на троне к князьям-рюриковичам было двойственное. С одной стороны, они чувствовали свою чужеродность в среде этих «природных князей», ощущали нечто вроде зависти к ним и долго опасались заговоров с их стороны. С другой – им хотелось подчеркнуть, что они – продолжатели дела Рюрика и его потомства, властители созданного рюриковичами государства. Почти все цари, а впоследствии императоры из династии Романовых стремились подражать западному образу жизни, «цивилизовать» Россию и втянуть ее в Европу. А со времен Павла I русские императоры женились на немецких принцессах, что также как бы делало их причастными к делу германца Рюрика. Поэтому для Романовых было естественным торжественно отметить в 1862 году 1000-летие российской государственности. Как известно, политика Романовых на втягивание России в Европу кончилась грандиозным крахом.

Октябрьская революция 1917 года положила конец этой западнической России и открыла новую, советскую эпоху в истории нашей страны.

Советский период, по историческим меркам короткий (всего 74 года), оказал огромное влияние не только на жизнь народов нашей страны, но и на судьбы всего человечества. Уверен, что изучение его опыта, причин успехов и провалов будет служить основой для выработки путей развития России в ближайшие десятилетия. И этот опыт еще послужит не только России, но и всему человечеству.

Мы живем в переходный период, когда советский строй рухнул, попытки построения капитализма в современной России окончились крахом, а форма правления, государственный строй и общественные отношения, которые придут на смену нынешним, еще не ясны.

ТАК СКОЛЬКО ЛЕТ

РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

И вот в этой обстановке полной неясности в отношении будущего России в стране намечено торжественно отпраздновать 1150-летие российской государственности. Дескать, в 862 году новгородцы призвали варяжского князя Рюрика править их великой и обильной землей, в которой, однако, нет «наряда», должного управления. Но из той же летописи, где говорится о призвании Рюрика, известно, что это было не первое появление варягов на Руси, и встречали их те же новгородцы

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

совсем не как дорогих гостей. А край новгородской земли - Мурман (ныне там находится портовый город Мурманск) получил свое наименование от искаженного слова «норманн», которое и было истинным наименованием варягов.

Варяги (или скандинавские берсеркеры) принадлежали к германцам, но не просто отличались особенной свирепостью, а были одержимы неистовой страстью убийства и разрушения. «Умереть для них – значит возвратиться к Одину, в Валгаллу, на войну!», - писал один известный историк.

В период с конца VIII до середины XI века для многих стран Западной и Восточной Европы настоящим «бичом Божиим» (как тогда говорили) стали викинги – жители Скандинавии, создававшие дружины морских разбойников для грабежа. На Руси их называли варягами, в Западной Европе норманнами.

Страна, подвергшаяся нападению викингов, надолго обращалась в пустыню. Разбойники не щадили никого, убивали не только воинов, но и женщин, стариков и детей, захватывали скот в качестве продовольствия во время своих длительных морских походов, а если не могли увезти его с собой, то резали и бросали на растерзание хищным зверям, дома жгли. И двигала ими жажда обладания сокровищами.

Однако они вовсе не были скопидомами, которые накапливали бы денежки и пускали их в рост или в оборот. Нет, богатство, добываемое таким трудом, с опасностью для жизни (а риск погибнуть в морском походе или вооруженном набеге был очень велик), так же легко и тратилось. Вождь, собиравший дружину, по возвращении из похода щедро разбрасывал добытое золото, чтобы привлечь к себе новых сподвижников.

В викинге ценились не богатство и не предпринимательские качества, а храбрость и щедрость. Главным для викинга была слава и красивая смерть, чтобы потомки помнили его и восхищались им. Религия викингов обещала воину, павшему в бою, что он попадет в рай (Валгаллу) и войдет в небесную дружину бога Одина.

В памятнике средневекового скандинавского эпоса «Древняя Эдда» так говорится о доблести воина: «Гибнут стада, родня умирает и смертен ты сам: / Но смерти не ведает громкая слава деяний достойных. / Гибнут стада, родня умирает и смертен ты сам: / Но знаю одно, что вечно бессмертно: умершего слава...»

Викинг станет образцом героя для многих поколений германцев (а в большой мере – и для первых князей-рюриковичей).

Вот эти викинги, или варяги, не раз опустошали земли новгородцев, но обычно встречали отпор. А в 862 году сложилась ситуация, при которой новгородская знать сочла выгодным пригласить варяга Рюрика на княжение. А когда Олег захватил Киев, возникла Киевская Русь, с порядками которой решительно порвал Андрей Боголюбский.

Значит, Россия намерена торжественно отметить 1150-летие мирного захвата Новгорода отрядом варягов-разбойников, которые потом распространили свою власть на всю тогдашнюю Русь и угнетали ее народ?

И в то же время она не намерена отпраздновать случившееся ровно триста лет спустя становление единодержавия в зачатке Русского государства – в великом княжестве Владимирском, в котором были заложены основы именно русской государственности?

Не покажется ли такой юбилей странным тем, кто хотя бы немного в ладах с историей?

И не будет ли стыдно за него организаторам перед потомками? ▲